

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.01.07

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА I НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ "ALLGEMEINE ZEITUNG"**Латонова А.В.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Александр I – блистательный победитель Наполеона, миротворец и триумфатор – в середине 1810-х гг. покорил сердца широкой европейской публики. Симпатии к нему, в числе прочего, нашли отражение и в прессе, стремившейся запечатлеть каждый шаг монарха. Однако его постепенный отход от либеральных к умеренным политическим позициям закономерно побуждал к коррективам в оценке его образа. Статья рассматривает вопрос, каким представлялся российский император в освещении известной немецкой газеты "Allgemeine Zeitung" на протяжении десятилетия – от учреждения Венской системы до своей смерти и поры реакции на нее – и менялся ли его образ на страницах газеты.

Ключевые слова: Александр I, Allgemeine Zeitung, Новое время, СМИ, пресса, немецкая пресса, имагология.

Дипломат и сенатор, в будущем действительный тайный советник П.Г. Дивов (наряду с прочим, занимавшийся делами цензуры) 11 сентября 1827 года занес в свой дневник следующую запись: «Граф Нессельроде выразил мне свое неодобрение по поводу статьи о Греции, помещенной в академической газете и заимствованной из "Allgemeine Zeitung", так как в ней говорится, по его мнению, не довольно почтительно об Александре I». Как следует из продолжения записи, инцидент всерьез взволновал не только К.В. Нессельроде, но и почт-директора А.Я. Булгакова, и других лиц, которые пропустили статью, а теперь боялись гнева его величества [1, с. 108].

Здесь нужно заметить, что "Allgemeine Zeitung", выходящая в 1798–1929 гг., в первой половине XIX в. была ведущим политическим ежедневным изданием в немецких землях, получившим широкое признание в мире как символ немецкой прессы – ее знали, читали и обсуждали по всей Европе [2, S. 15]. Поэтому публикация нелестного мнения о российском государе на страницах этой газеты становилась достоянием широкого круга европейской общественности. Подобная публикация была тем неожиданнее, что "Allgemeine Zeitung" в то время издавалась в баварском Аугсбурге – а Бавария, как известно, была одной из первых союзниц александровской России в рамках Шестой антинаполеоновской коалиции и при жизни Александра I демонстрировала всеобщую привязанность и лояльность в его адрес. Наряду с новостями политики на страницах газеты появлялись также культурные новинки (в т.ч., например, произведения Шиллера и Гете [3, S. 47–49]), но актуальнее другое: в ней публиковалась не сухая новостная фактология, но развернутые аналитические обзоры по наиболее актуальным темам и лицам – и поэтому в плане оценки александровского образа "Allgemeine Zeitung" предстает куда интереснее многих других современных ей немецких газет.

Сам издатель газеты, И.Ф. Котта, свою карьеру в обществе начал с поездки в 1799 г. в Париж в качестве представителя от вюртембергских помещиков ко двору Наполеона (спустя пару лет им была предпринята новая поездка туда же ради тщательного изучения наполеоновской политики) [4, р. 251]. В пору Венского конгресса Котта прибыл в Вену в качестве наблюдателя [5, S. 45], формируя собственное впечатление о происходящем – так что "Allgemeine Zeitung" располагала сведениями об этом грандиозном событии из первых рук. В 1815 г. он был избран депутатом вюртембергского сейма, в 1819 г. стал представителем дворянства, а позднее –

вице-президентом второй палаты в Вюртемберге и гехаймратом (тайным советником) в Пруссии [4, р. 251]. Проживя жизнь умеренным либералом, Котта оказался первым вюртембергским землевладельцем, отменившим крепостное право в своих землях [4, р. 251]. Неудивительно, что внимание такого человека было приковано к фигуре российского императора – захватившего в 1810-е гг. воображение Европы декларацией новых идей.

Целью данной работы является анализ публикаций в газете “Allgemeine Zeitung” на предмет того, каким предстал Александр I на страницах этой газеты в период 1814-1827 гг. и не претерпевал ли его образ трансформацию вместе с изменением политики самого российского государя. Такой период выбран для рассмотрения потому, что именно после Венского конгресса Александр I стал объектом прицельного внимания немецкой аудитории, что определяет нижнюю границу для отбора публикаций. Верхней же границей служит 1827 г., поскольку именно в августе этого года была опубликована та «критическая» статья, о которой упоминал в своём дневнике П.Г. Дивов и которая послужила отправной точкой для нашего исследования.

Но, прежде всего: что же содержала в себе эта статья, в оригинале напечатанная в газете под 22 августа 1827 года? Анализируя участие в греческих делах Англии, Франции и России, эта статья подчеркивала, что рядом с Турцией, вероятно, нет империи, в которой религиозные идеи так тесно и прочно были бы связаны с политическими, как в России – особенно после церковной реформы Петра I, – и каждый греческий христианин смотрит на русского монарха с благоговением и доверием, как на «центр его церкви и шит его веры» [6, S. 937]. Из этого вытекал вывод, что Александр I с его благочестием не мог не вмешаться в греко-турецкий конфликт, но в то же время России пришлось отступить от своего собственного политического курса, что порождало определенные проблемы. Теперь же необходимость разрешить эту «наиболее сложную проблему современной истории удовлетворительным образом» очертилась совершенно отчетливо, и надлежало, не подвергая Европу военной опасности, найти какое-то новое решение – поскольку оказалось, что предпринимавшиеся прежде меры предосторожности подводили к самому порогу войны, а не, «как считалось», удерживали от нее. Последнее замечание звучит в тексте обезличенно, но вполне вероятно, что именно оно натолкнуло графа Нессельроде на мысль о неуважительном выпаде немецкой газеты против покойного российского императора.

При этом еще полутора годами ранее “Allgemeine Zeitung” отзывалась на ту же проблему несколько иначе. Когда французская газета “Journal des Débats Politiques et Littéraires” отреагировала на смерть Александра I критическим обзором, анализирующим итоги деятельности этого монарха, “Allgemeine Zeitung” выступила с резким полемическим ответом, который растянулся на несколько номеров. Относительно греческой проблемы в этом ответе звучали следующие доводы: «Если император предвидел... что кампания Турции... неизбежно приведет к общей войне..., то разве не все благоразумные европейцы хвалят и благословляют умеренность Александра?» [7, S. 10], «Щедрая забота о сохранении европейского мира преодолела у императора его личные чувства насчет возрождения греков» [8, S. 15]. То же отношение к проблеме мы видим в 1826 году и позднее: комментируя появившееся во Франции новое издание “Note sur la Grèce” Ф.Р. де Шатобриана, газета сочла необходимым напомнить читателям: «Александр... молчал при мысли о независимости Греции только из-за опасений, что в противном случае мир во всем мире мог бы быть нарушен» [9, S. 77-78].

Разумеется, новый год приносил новые впечатления и выводы, и в 1827 году, когда вокруг прекрасного здания Священного союза во многом угас первоначальный романтический ореол, трудно было бы оценивать положенные в его основу идеи так, как, скажем, в 1818 году, на который в газете пришелся пик патетического восторга в связи с политикой Александра I. Тогда, в 1818 году, “Allgemeine Zeitung” сперва была покорена речью российского императора на открытии сейма в Варшаве – которую оценила как «дело, которого одного было бы достаточно, чтобы сделать имя его автора бессмертным», поскольку «впервые из уст правителя – и какого правителя! чьему скипетру подчиняются 50 миллионов человек – Европа слышит освящение либеральных идей и институтов» [10, S. 452]; сам Александр I в той же статье представлял «великим судьей», просвещенность которого гарантирует соблюдение разумного баланса

во всем и направляет общество на пути прогресса. Затем, фиксируя в том же году новости о ходе переговоров в Ахене и ожидая результатов конгресса, “Allgemeine Zeitung” с особенным сочувствием ожидала решения о восстановлении Франции как полноправной участницы международных отношений, с ее полной политической независимостью, «правительственными и национальными правами» – ожидание это вполне очевидно питалось тем обстоятельством, что немецкие земли и сами жили идеей политического перерождения.

Но важно было другое: французы виделись нацией, которая в западной части Европы является защитницей либеральных институтов, а император Александр – правителем, обеспечивающим ту же линию на востоке, и получалось, что «эти две разные силы, хорошо развитая нация и могущественный духовный правитель, объединяются для одной цели» [11, S. 1300]. На этом основании в газете вновь следовал лестный для российского императора вывод, что история поставит его «в число самых добродетельных созвездий, которые когда-либо поднимались на горизонтах политики, народной культуры и человеколюбия» [11, S. 1300].

Можно заметить, что восхищенное преклонение перед политическим курсом Александра I влекло за собой и соответствующее отношение к нему самому. Оценка его личности со стороны газеты подчас граничила с идеализацией, и ярче всего это видно на примере тех статей, где речь шла о христианском аспекте в деятельности этого монарха – и как идейного лидера Священного союза, и как частного лица, в последние свои дни являвшего собой образец религиозного смирения. Российский император предстал фактически как описанный пророком Даниилом великий благочестивый монарх, избранный Богом, чтобы распространить христианство по всей земле и поднять человеческий род к счастью своим правлением.

Так, приводя слова о том, что направление мыслей и действия трех союзных монархов символизируют «мягкость, умеренность и редкое уважение к тому, что является священным для человека – свободе совести, свободе человека и гражданина»; о том, что эти монархи знают – для трона и для хижины наиболее опасны злоупотребление властью, народная анархия и отсутствие цели, “Allgemeine Zeitung” признавала: именно Священный союз и религиозный манифест императора Александра свидетельствуют о нем как о высшей личности, которая была ниспослана обществу «в необычное время» и во имя «необычных шагов» [12, S. 348]. Хотя, конечно же, избранность русского царя доказывали и другие события – много позже перечисляя его заслуги, особое место газета не забудет уделить тому, что «Наполеон и его армия из двадцати народов были уничтожены в границах России, Москва была освобождена от их грабежа, Париж был взят дважды» [13, S. 331]; как известно, эти обстоятельства казались символическими и самому Александру Павловичу. Впрочем, он предстал почти мессиански и просто в ходе «рабочего» посещения российских западных губерний в 1816 году: в газете отмечалось, что его «милостивый взгляд, на который уже отозвалось много человеческих сердец» и здесь, в Польше, поможет забыть о прошлом зле и укрепит людей «духом мира, который живет в нем» [14, S. 1044]. Говоря тем самым, что своим отношением и самим фактом своего присутствия Александр I делает здесь больше, чем можно было бы достичь сочетанием воли и административного искусства, статья подчеркивала некую особую ауру, как будто окружавшую царя; в другом месте того же газетного выпуска мы читаем, что Александр появится в Варшаве не только как создатель нового польского государства, но и как его благословитель [15, S. 534].

Любые поступки и личные проявления российского императора во всем продолжении его жизни вызывали у газетчиков живой интерес. Это относилось и к детальному освещению его последнего путешествия, окончившегося в Таганроге, и к описанию его последнего дня – когда “Allgemeine Zeitung” постаралась обстоятельно рассказать, каким предстал Александр Павлович на смертном одре и какие христианские качества проступили в нем в эти драматические минуты. С особым трепетом газета передавала «странные слова», с которыми император обратился к священнослужителю при исповеди: «Пожалуйста, пожалуйста, относитесь ко мне сейчас как к христианину и полностью забудьте мое императорское величество» – и, затем, как он, целуя крест и руку священника, прерывистым, но невозмутимым голосом произнес «прекрасные божественные слова»: «Я никогда не чувствовал себя таким утешенным, как сейчас» [16, S. 329]. И самое последнее, что (по транслируемой “Allgemeine Zeitung” версии) произнесено было умирающим

самодержцем, также не могло быть отступлением от христианнейшего образа: конечно же, он-де в последний миг вверял свою жизнь и царство в руки Того, Кто правил в его сердце – выражая тем самым глубокое подчинение Божьему Промыслу [17, S. 1454].

Можно видеть, что российский император вызывал симпатию и тогда, когда представлял практически святым, и тогда, когда в нем, напротив, видели чисто человеческую сторону натуры – его мягкость, гибкость и обаятельность с подчас экстравагантными жестами. В дни Венского конгресса в газете отмечалось, что «любезный император Александр постоянно является предметом разговора», покоряет дам своей статью, обожает танцевать и не делает различия между партнершами разного социального происхождения [18, S. 1304]; на следующий год, в годовщину французской бомбардировки Вены в 1809 году “Allgemeine Zeitung” писала о том, как «два императора несколько раз появлялись в замке у открытого окна; Александр, казалось, был в живом контакте с императором Францем, когда он внезапно прижал его к своему сердцу» [19, S. 540]. С не меньшим умилением издание передавало пасторальный диалог русского царя с селянкой [20, S. 1352] или следующие наблюдения: «Среди трех присутствующих [в Лайбахе] в настоящее время монархов император Александр также уделяет особое внимание местным жителям. По его обычаю он часто ходит по городу в простой одежде и интересуется всем, что возбуждает его любопытство. Даже местный славянский диалект, который очень близок русскому, не ускользает от его внимания» [21, S. 86]. “Allgemeine Zeitung” коллекционировала примеры, подтверждающие способность российского императора нравиться всем – когда ученые отмечали его тонкую пронизательность, люди искусства – вкус, представители любого сословия могли свободно видеть его, приближаться к нему – а подойдя, никто не оставался без ласкового слова, поддержки или иных свидетельств доброжелательности [22, S. 645–646].

Читателю “Allgemeine Zeitung” оставалось только согласиться с выводом, что всё, что делает Александр I, несет «печать завершенности, пользы и красоты» (“den Stempel des Vollendetes, Nuezlichen und Schoenen”) – как это было сформулировано в статье, приводящей официальные известия из Петербурга о возобновившейся перестройке здания Адмиралтейства [23, S. 1076]. Сила образа была такова, что неизменно восторженное впечатление переносилось авторами немецкой газеты и на внутреннюю политику российского императора – судить о которой они могли с куда меньшим основанием. Разумеется, до них долетали слухи о тех или иных внутрисоссийских проблемах, и эти слухи также печатались. Но то, как они интерпретировались, иллюстрирует, в частности, следующее приводимое “Allgemeine Zeitung” мнение: «Поскольку некоторые значимые люди в правительстве и в непосредственной близости от императора действовали в унисон, обиды угнетенных людей не могли найти путь к престолу, а сам император не знал об их страданиях. Наконец, некий священнослужитель через императрицу-мать информировал императора об истинном положении дел, и в это время значительное число людей было сразу же отстранено от своих постов» [24, S. 748]. В другом номере, при рассуждении о крестьянском вопросе в Прибалтике, проводилась мысль: нет никаких сомнений, что план для отмены крепостного права в Лифляндии будет разработан наилучшим образом – в силу «огненного рвения, которым его [Александра I] возвышенные добродетели одаривают... подданных, чтобы действовать в его духе и доказать, что они достойны быть управляемыми им» [25, S. 423].

Подчеркивалось и составлявшее заметную часть обаяния Александра I страстное стремление к улучшениям во всем, которое он не уставал демонстрировать – в разгар миротворческих забот находя время изучить общественные учреждения мест, где ему случалось бывать, с удовольствием признавая их важность для нации и – как казалось – планируя учредить аналогичные в своих владениях [22, S. 645–646; 26, S. 1440]. Разумеется, такой прекрасный монарх мог служить эталоном не только для собственных подданных, но и для своих венценосных «коллег», и в частности, конечно же, для прусского короля – личность и политика которого волновала “Allgemeine Zeitung” не в последнюю очередь в силу особого положения Пруссии среди германских государств. И когда последний провозглашал принципы, на основании которых обещал отныне править, в газете сочли важным отметить не только то, что благодаря этим

принципам Фридрих Вильгельм III успокаивает умы и завоевывает сердца всех честных немцев, но и то, что можно ли ожидать чего-то иного от союзника императора Александра – великого основателя Священного союза [27, S. 1067].

Вернемся теперь к тому, как “Allgemeine Zeitung” оценивала Александра I в контексте его политики в греческом вопросе. Мы видим, что, констатируя нарастание международного кризиса, в своем отношении к лично российскому императору газета продолжала, вопреки опасениям Нессельроде и Булгакова, следовать прежней линии – той же, что и в 1823 году, когда писала «Турки... верят в гибель греков, а не в искренность России. (...) По своей подлости они не могут представить себе такого благородного и искреннего героя, как император Александр» [28, S. 700], что и в 1826 году, когда писала «Александр хотел спасти греков своей политикой» [29, S. 406]. Очевидно было, что спасти греков у него не получилось, но само это несбывшееся намерение лишь подчеркивало его возвышенный образ – его доходящую до мистицизма загадочность, его способность отрешиться от реальности и создать вдохновляющую картину будущего. Иными словами, та злополучная статья едва ли имела смысл выпада против памяти покойного императора – скорее, с учетом всего предшествующего дискурса, она была сожалением о временах, когда во главе всего могли стоять возвышенные «приоритеты» Александра I и в них было очень соблазнительно верить.

Образ Александра I, сложившийся на страницах “Allgemeine Zeitung”, оказался для нее удивительно стойким. Его не пошатнули ни внешние обстоятельства, которые могли бы привести к критической переоценке, ни внутреннее развитие газеты, которая в одной только первой половине 1820-х годов успела от умеренно-либеральной превратиться в проправительственную и затем вновь «полеветь» [2, S. 15–81; 30]. Александр I остался для нее таким же либералом, каким представлял в середине 1810-х годов. Изменения в его внутривнутриполитическом курсе остались за пределами внимания этой газеты – она попросту их отрицала, что видно и по упоминавшейся уже выше полемике с “Journal des Débats Politiques et Littéraires”. Когда последняя указывала на упадок в сфере народного просвещения в России в последние александровские годы, “Allgemeine Zeitung” интерпретировала подобную точку зрения как незнание французскими газетчиками реального положения дел в России и призывала лишь вспомнить, как содействовал Александр Павлович делу науки и образования в начале своего царствования [31, S. 15]. На то, что восстание Семеновского полка «она [“Journal des Débats”] хотела бы сделать политическим событием», немецкая газета парировала мнением, что солдаты, которые думают, что их полковник слишком жестоко обращается с ними, и пытаются поправить свое положение через непослушание, не имеют ничего общего с политикой [32, S. 9].

Другая особенность заключалась в том, что концентрация на фигуре русского монарха и представление о его особой роли приводила авторов газеты к игнорированию внешних источников воздействия на Александра; любой его шаг расценивался ими как следствие собственных убеждений – или не упоминался вовсе, если не вписывался в избранную парадигму. В частности, в пору подавления революции в Испании – которая не была бы подавлена, если бы Фердинанд VII не получил от российского императора материальную поддержку в виде русских фрегатов – немецкие газеты лишь упоминали, что Александр I сделал своему царственному коллеге подарок, узнав о плохом состоянии линейных кораблей в Испании; его вклад в подавление революции никак не подчеркивался [33, S. 1189]. То же относилось и к рассуждениям о греческой проблеме на страницах “Allgemeine Zeitung” – акцент в которых делался отнюдь не на том, что российский император мог предпринимать те или иные шаги (или, напротив, не предпринимать) из лояльности к политике К. фон Меттерниха или же, например, поддаваясь влиянию графа И. Каподистрия. Максимальное допущение, которое готовы были сделать в газете, – это то, что «его связывали узы дружбы... с другими главами великой коалиции; его гуманные чувства наполнили его печалью за счастье всех его современников», что «она [симпатия к грекам] должна была найти необходимое ограничение в его положении как императора великой империи и члена европейского союза» [34, S. 11]. Когда же греческое восстание добилось в 1823 г. известных успехов, это всё равно стало поводом для торжествующей хвалы российскому императору: теперь его миролюбие и умеренность рассматривались в

“Allgemeine Zeitung” как основа снятия международного напряжения и возможности появления в ближайшем будущем пусть маленького, но независимого греческого государства [35, S. 1260]. Следование желаниям стран-союзниц со стороны Александра вновь приписывалось, таким образом, личной кротости императора, а не политической необходимости, и в этом вновь можно видеть убеждение в исключительной роли русского самодержца.

Таким образом, можно говорить о том, что газета “Allgemeine Zeitung” глубоко и прочно восприняла теоретическую линию в политике Александра I с ее мистическим подтекстом, как ее понимал и сам российский император, и абсолютизировала ее в противовес реальной линии, последствия которой вышли на передний план с уходом этого монарха с политической арены.

Библиография

1. Петербург в 1827 году. (Из дневника П. Г. Дивова) // Русская старина, 1898, январь.
2. Heyck E. Die Allgemeine Zeitung 1798–1898 // Beiträge zur Geschichte der deutschen Presse. München, 1898.
3. Heyck E. Die Allgemeine Zeitung 1798–1898...
4. Encyclopaedia Britannica, 11th Edition / Vol. 7, sl. 5 / Ed. by H. Chisholm, 1911. P. 251.
5. Blumenauer E. Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger "Allgemeine Zeitung" im Karlsbader System (1818-1848). Böhlau, 2000.
6. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1827, № 235.
7. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 3.
8. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 4.
9. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 20.
10. Allgemeine Zeitung. 1818, № 113.
11. Allgemeine Zeitung. 1818, № 325.
12. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1816, № 87.
13. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 83.
14. Allgemeine Zeitung. 1816, № 261.
15. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1816, № 126.
16. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 83.
17. Allgemeine Zeitung, 1825, № 364.
18. Allgemeine Zeitung. 1814, № 326.
19. Allgemeine Zeitung. 1815, № 133.
20. Allgemeine Zeitung. 1814, № 338.
21. Allgemeine Zeitung. 1821, № 21.
22. Allgemeine Zeitung, 1814, № 162.
23. Allgemeine Zeitung. 1814, № 269.
24. Allgemeine Zeitung. 1823, № 187.
25. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1818, № 106.
26. Allgemeine Zeitung, 1818, № 360.
27. Allgemeine Zeitung. 1818, № 267.
28. Allgemeine Zeitung. 1823, № 175.

29. Allgemeine Zeitung. 1826, № 102.
30. Mühler G. Wie ein treuer Spiegel: die Geschichte der Cotta'schen Allgemeinen Zeitung. Darmstadt, 1998.
31. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 4.
32. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 3.
33. Allgemeine Zeitung, 1818, № 298.
34. Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1826, № 3.
35. Allgemeine Zeitung, 1823, № 315.

THE IMAGE OF ALEXANDER I ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "ALLGEMEINE ZEITUNG"

Latonova A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Alexander I - the brilliant winner of Napoleon, peacemaker and triumphant - in the mid-1810s. won the hearts of the general European public. Sympathy for him, among other things, was reflected in the press, which sought to capture every step of the monarch. However, his gradual departure from liberal to moderate political positions naturally prompted adjustments in the assessment of his image. The article examines the question of how the Russian emperor appeared in the coverage of the well-known German newspaper "Allgemeine Zeitung" over the course of a decade - from the establishment of the Vienna system to his death and the time of reaction to it - and whether his image changed on the pages of the newspaper.

Key words: Alexander I, Allgemeine Zeitung, Modern times, mass media, press, German press, imagology.